

РЕЛИГИОЗНОЕ ИНАКОМЫСЛИЕ В ЗОНЕ ФРОНТИРА: ПУТИ И СПОСОБЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ И ЧЕРНОМОРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД)

Крюков Анатолий Владимирович (а)

(а) Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва. 350063 Краснодар, ул. Красная, 28, оф. 5-6.
Email: anatoly.kryukow@yandex.ru

Аннотация

Внимание автора сконцентрировано на проблемах, связанных с проникновением на территорию фронтирного региона разнообразных течений, оппозиционно настроенных по отношению к доминирующей религиозной конфессии. На примере Кубанской области и Черноморской губернии исследованы пути и способы появления и распространения религиозного инакомыслия в присущих фронтиру социокультурных условиях. В данном аспекте рассмотрены различные группы религиозных диссидентов, действовавшие на территории Кубани: духоборы, молокане, христововеры, иудействующие, баптисты, евангельские христиане, адвентисты. Отмечается, что положение изучаемого региона как фронтирной территории наложило свой отпечаток на распространение в нем течений религиозного диссидентства. Этот процесс происходил на фоне постоянных межэтнических и межконфессиональных контактов, закономерно умножавшихся миграционных потоков, усложнившейся системы социальных отношений. Особенности региона, представляющего собой пограничье между многими культурными пространствами, подготовили благоприятную почву для распространения здесь религиозного инакомыслия. Вероучения и доктрины русского религиозного диссидентства, распространявшиеся на Кубани в течение изучаемого периода разделены на три группы в зависимости от времени, путей и способов их появления в рассматриваемом регионе. Последователи религиозных учений первой группы (иудействующие и духоборы) проникали на Кубань в 1830-1860-е гг. из Средней полосы России и из соседних южных регионов только через административное переселение. Приверженцы религиозных течений, входящих во вторую группу (молокане, христововеры-катасоновцы и скопцы), обосновываются в регионе в основном в пореформенный период и нередко посредством добровольной миграции. В дальнейшем эти доктрины получают распространение благодаря активной проповеднической деятельности своих адептов, источниками которой служили соседняя Ставропольская губерния и Закавказье.

Религиозные общины, входящие в третью группу, получали распространение в регионе преимущественно под влиянием религиозной агитацией, проводившейся наиболее активными приверженцами, нередко профессионально занимавшимися проповеднической работой (лубковцы, баптисты, адвентисты).

Ключевые слова

религиозное инакомыслие; религиозные диссиденты; духоборы; молокане; христововеры; иудействующие; баптисты; евангельские христиане; адвентисты; Кубанская область; Кубань; Черноморская губерния

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution – Non Commercial – No Derivatives»](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

RELIGIOUS DISSENT IN THE FRONTIER ZONE: WAYS AND MEANS OF DISSEMINATION (THE KUBAN REGION AND THE BLACK SEA PROVINCE IN THE PRE-SOVIET PERIOD AS A CASE STUDY)

Anatoly Vladimirovich Kryukov (a)

(a) Southern Branch of Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after D. S. Likhachev. 28 Krasnaya str., 5-6 office, Krasnodar, Russia, 350063.
Email: anatoly.kryukow@yandex.ru

Abstract

The attention of the author is focused on the problems associated with the penetration of a variety of trends to the territory of the frontier region that are opposed to the dominant religious denomination. Using the example of the Kuban Region and the Black Sea Governorate, the ways and means of the emergence and spread of religious dissent in the inherent sociocultural conditions are investigated. In this aspect, various groups of religious dissidents operating in the territory of the Kuban are considered: Dukhobors, Molokans, Christ-believers, Judaists, Baptists, Evangelical Christians, Adventists. It is noted that the position of the region under study as a frontier territory has left its mark on the spread of religious dissidence in it. This process took place against the background of constant interethnic and interfaith contacts, naturally increased migration flows, and a complicated system of social relations. The peculiarities of the region, which is a frontier between many cultural spaces, have prepared fertile ground for the spread of religious dissent here.

The doctrines of the Russian religious dissidence that extended to the Kuban during the studied period are divided into three groups depending on the time, ways and means of their appearance in the region in question. The followers of the religious teachings of the first group (Judaizers and Dukhobors) penetrated the Kuban in the 1830-1860s. from Central Russia and from the neighboring southern regions only through administrative relocation.

Adherents of religious movements belonging to the second group (Molokans, Christovans, Katasonians and eunuchs) settle in the region mainly in the post-reform period and often through voluntary migration. In the future, these doctrines are spread due to the active preaching of their followers, the sources of which were the neighboring Stavropol gubernia and the Transcaucasus.

Religious communities belonging to the third group were spread in the region mainly under the influence of religious agitation carried out by the most active adherents, often professionally engaged in preaching work (Lubkivtsy, Baptists, Adventists).

Keywords

religious dissent; religious dissidents; Dukhobors; Molokans; Christ believers; Judaizers; Baptists; Evangelical Christians; Adventists; Kuban Region; Kuban; Black Sea Governorate

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution – Non Commercial – No Derivatives 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы, связанные с диалогом религий, с поиском эффективных моделей гармонизации межконфессиональных отношений приобретают в настоящее время особую актуальность вследствие вызовов времени, состоящих, с одной стороны, в наблюдаемом структурном и содержательном усложнении самого конфессионального поля, и с другой – в кризисе современных политических моделей межкультурного взаимодействия и подходов к его пониманию (мультикультурализма, плюрикультурализма, культурного либерализма и т.д.). Крайне важно в данной связи обращение к историческому опыту, который является агрегатором позитивных и негативных примеров межрелигиозных контактов. Особенно яркие и значимые для современности образцы подобных контактов во все времена имели место на фронтирных территориях, где осуществлялось постоянное взаимодействие представителей разнообразных культур, зачастую вынужденных стихийным образом находить наиболее безболезненные способы коммуникации, в том числе и в религиозной сфере. В данной связи весьма интересной является идея Л.В. Баевой о выделении конфессионального фронта в качестве самостоятельного понятия. Исследователь определяет его как «область проникновения той или иной религиозной системы на новые для нее территории, что может быть связано со столкновением или взаимопересечением различных конфессий (религиозных представлений) между собой» (Баева, 2014, стр. 33).

Северокавказский регион и Кубань как его составляющая наилучшим образом соответствуют приведенной дефиниции, при этом нужно учитывать, что характеристиками конфессионального фронта эта территория обладает уже очень давно. Так, начиная с первого тысячелетия н.э. Северное Причерноморье становится зоной, где происходил контакт осваивавшего новые территории византийского христианства и местного зихского язычества, свидетельством чему являются многочисленные археологические находки (Остапенко, 2019). В XVII-XVIII вв. на Северо-Восточном Кавказе интенсивно разворачивался инспирируемый Османской империей процесс распространения ислама, в ходе которого происходило его столкновение с христианством, завершившееся постепенным вытеснением последнего из конфессиональной практики местного горского населения (Леусова, 2002, стр. 85-86).

Вместе с тем территория Кубани являлась фронтиром не только (и не столько) в конфессиональном отношении, составляя часть более

обширной фронтальной зоны (южного, южнороссийского, северокавказского фронта). Социальный состав ее населения был весьма специфичен и складывался с преобладающим участием казачества, формировавшегося как совокупность разнохарактерных (в том числе и в конфессиональном отношении) групп. Достаточно заметной, в частности, была доля последователей старообрядчества. Наряду со староверами, довольно основательно и в определенной степени органично вписывавшимися в рамки местного конфессионального поля, к началу XIX в. определенный (хотя и крайне небольшой) процент южнороссийского казачества составляли религиозные диссиденты – последователи различных толков и течений русского религиозного разномыслия (иудействующие, молокане, духоборы и т.д.), по большей части тайно исповедовавшие свои учения и жесточайшим образом преследовавшиеся государственной властью. С течением времени в регионе появлялись все новые направления религиозного инакомыслия, обогащая его, казалось бы, достаточно монотонную конфессиональную жизнь.

Данное исследование призвано выявить основные пути и способы их проникновения на Кубань, рассматриваемую как фронтальная зона. Предварительным условием достижения данной цели является анализ региональных условий, в которых развивались исследуемые процессы.

Интенсивное освоение региона восточнославянским населением началось на исходе XVIII в, когда на правый берег реки Кубань по решению правительства Екатерины II было переведено Черноморское казачье войско. Данный процесс, часто именуемый военно-казачьей колонизацией, реализовывался как в административной, так и в стихийной форме. В конце XVIII – начале XIX вв. несколько волн переселенцев (в основном казаки и крестьяне из Малороссии и Подонья) были волей властей переселены в прикубанские степи, что способствовало решению задач по хозяйственному освоению региона и обороне южных границ империи от враждебного ей в то время населения левого берега Кубани.

Прибывающие переселенцы вливались в ряды черноморских казаков, становясь частью казачьего сословия, неотъемлемым атрибутом социальной жизни которого была пожизненная военная служба, сочетавшаяся с ведением традиционного хозяйства, основными формами которого в регионе являлись хлебопашество, скотоводство, рыболовство (в расположенных рядом с Азовским морем поселениях), а также многочисленные промыслы и ремесла.

Коренной перелом в социально-политическом развитии региона произошел в 60-х гг. XIX в. И был отмечен тремя знаковыми событиями: образованием Кубанской области и одновременным преобразованием Черноморского казачьего войска в Кубанское казачье войско (с передачей ему шести бригад Кубанского линейного казачьего войска) (1860 г.) (Основные административно-территориальные..., 1986, стр. 26), завершением Кавказской войны, финальные военные действия которой разворачивались именно на Северо-Западном Кавказе (1863 г.); разрешение к переселению в регион и приобретению собственности на его территории для подданных империи, не принадлежащих к казачьему сословию (до этого момента постоянное проживание «иностранцев» лиц на войсковой земле запрещалось) (1868 г.).

Именно последняя мера явилась существеннейшим фактором, обусловившим приток многочисленных мигрантов на Кубань, и подорвала впоследствии численное превосходство казаков над представителями остальных социально-сословных групп, поскольку уже к началу 1901 г. доля лиц невойскового сословия составила 51% от населения области (Отчет начальника..., 1901, стр. 8). Однако при этом «иностранное» население было ущемлено в правах по сравнению с казаками, при этом ситуация социального неравенства в формально-юридическом смысле не была преодолена вплоть до Февральской революции 1917 г. Определенную долю населения области также составляли мещане, концентрировавшиеся в городах, дворяне и купцы.

Этнокультурная структура населения изучаемого региона отличалась сложностью и многообразием элементов, при этом с течением времени этнический состав Кубани становился все более пестрым, что в полной мере соответствует пониманию этого пространства как фронтирной территории. Среди этносов, взаимодействовавших в ее пределах, были русские, украинцы, адыги, армяне, поляки, греки, молдаване, евреи и многие другие. Несколько десятилетий успешного их взаимодействия во всех сферах общественной жизни обусловили складывание особого самобытного типа культуры.

Закономерной и также возрастающей со временем сложностью отличалась и конфессиональная структура населения Кубани. Представители восточнославянских народов, начавшие интенсивное освоение региона в конце XVIII в., изначально были в своем абсолютном большинстве православными (при этом не стоит забывать о наличии среди них достаточно многочисленного слоя

старообрядцев, являвшихся в основном выходцами из донских станиц). Горское население исповедовало ислам. Со временем конфессиональное пространство региона обогащается последователями католичества, армяно-грегорианства, лютеранства, иудаизма.

Государственная религиозная политика была нацелена на сохранение и укрепление православия как господствующей религиозной доктрины, а православной церкви – как практически не отделенной от государства религиозной корпорации. Перечисленные выше религиозные конфессии (как и некоторые другие) признавались властями империи как субъекты конфессионального поля, в отношении их приверженцев не осуществлялась практика государственных преследований (хотя определенной сегрегации подвергались иудаисты), однако их иерархия находилась под неусыпным контролем властей, считавших необходимым и обязательным непосредственное вмешательство в организационную составляющую жизни этих общин. С целью стабилизации конфессиональной структуры и упрочения социально-демографической основы православия законодательство империи предусматривало уголовную ответственность за отпадение от господствующей церкви в иноверие и инославие. Таким образом, любое наблюдавшееся в изучаемый период религиозное разнообразие в известной и значительной мере нивелировалось идеологической монополией православной церкви, ревностно поддерживавшейся государством.

Подобная религиозная политика, оставаясь в своих основных чертах практически неизменной, довольно рано вошла в противоречие с процессом социально-экономического развития, результировавшим общее усложнение системы общественных отношений. Данная тенденция привела к тому, что в среди российских православных начали появляться религиозные диссиденты, которых по разным причинам не устраивала догматическая картина мира или обрядовая практика православия. Возникнув в Средней полосе России, различные толки и разномыслия постепенно распространялись по ее территории и с течением времени достигали фронтальных регионов.

Направления религиозного диссидентства в России исторически относились к двум значительным направлениям: традиционные русские толки и разномыслия (духовное христианство, духоворчество, молоканство, христововерие и др.) и протестантские конфессии (шундизм, баптизм, адвентизм и т.д.). В православной

миссионерской литературе за ними закрепились наименования соответственно «мистических сект» и «рационалистических сект».

ТРАДИЦИОННЫЕ РУССКИЕ ТОЛКИ И РАЗНОМЫСЛИЯ.

Первоначальное проникновение религиозных диссидентов в изучаемый регион относится к 30-м гг. XIX в., когда на Кубани появились представители общин иудействующих.

Общины иудействующих

Различные группы иудействующих в своей совокупности впоследствии стали наиболее многочисленными приверженцами религиозного разномыслия на территории Кубанской области. Несмотря на многочисленные усилия, предпринятые исследователями (в том числе и израильскими) в последние два десятилетия, приходится констатировать, что это направление все еще крайне слабо изучено в общероссийском разрезе.

На первых порах их существование и вовсе отрицалось околоофициальной историографией: в частности, П.И. Мельников (Печерский) в начале 1860-х гг. писал: «особой секты жидов (иудействующих – А. К.) в русском народе нет и не бывало» (Мельников, 1974, Т.8, стр. 37). Выдающийся советский историк религии А. И. Клибанов считал субботников (иудействующих) одним из первых направлений русского разномыслия (вкуче с христововерием), однако при этом отмечал: «Источники, характеризующие историю этого течения, его социальный состав, его мировоззрение в сколько-нибудь полном объеме до сих пор (к середине 60-х гг. прошлого века – А. К.) не выявлены» (Клибанов, 1965, стр. 40).

Вместе с тем А. И. Клибанов впервые попытался систематически изложить историю иудействующих, которая началась на рубеже XVII и XVIII вв. Движение постепенно прирастало приверженцами и к началу XIX в. объединяло до 20 тыс. человек почти в 30 губерниях России. Уже в 1825 г. увеличение активности представителей субботничества заставило правительство принять ряд административных мер против «жидовствующих», однако значительных успехов эти репрессии не имели.

В качестве характерной черты субботничества А. И. Клибанов отметил то, что это течение «не выделило из себя в процессе своей истории каких-либо новых форм» (Клибанов, 1965, стр. 40).

По одной из версий, XVIII в. последователи этого учения (первоначально молокане-субботники) вышли из молоканства (РГИА.

Ф.796. Оп.190. Отд.6. Ст.3. Д.146а. Л.202.), что подтверждается в том числе и северокавказскими источниками (Г.М. [Михайловский Г.], 1875, стр. 198). Следует также полагать, что направление иудействующих состояло из нескольких религиозных групп, при этом образовались эти фракции не сразу, что входит в противоречие с приведенным выше утверждением А. И. Клибанова об эволюционной статичности этого течения.

Фактически отдельные разновидности данного направления, получившие в литературе наименования гергов, субботников и караимитов (русских караимов) являлись периферийными вариантами иудаизма, являясь вместе с тем православно-христианскими по своему происхождению на Северном Кавказе. Дифференциация на фракции имела место уже в период пребывания верующих на Северном Кавказе (Астырев, 1891, стр. 52).

В географическом отношении первые общины молокан-субботников появились в Саратовской губернии, распространяясь впоследствии в землях Войска Донского (РГИА. Ф.796. Оп.190. Отд.6. Ст.3. Д.146а. Л. 202), потом в Воронежской губернии, а затем в Москве и на Юге России.

Примерно в конце 20-х начале 30-х гг. XIX в. довольно небольшая, но весьма сплоченная группа приверженцев учения иудействующих была переселена «за такое свое заблуждение» административным порядком из Воронежской губернии в станицу Тихорецкую (ГАКК.Ф. 252. Оп. 1. Д. 1652. Л. 23.). При этом данный населенный пункт был основан в 1829 г. и среди его основателей значительную долю составляли переселенцы-однодворцы из Воронежской губернии.

Спустя почти два десятилетия (в 1857 г.) тихорецкие иудействующие вновь были переселены, на сей раз на Новую Линию. Произошло это после того, как местный священник обратил внимание, что значительная доля его паствы вовсе не появляется в церкви и практически никоим образом не выказывает себя приверженцами православия. После проведенного расследования была установлена их действительная религиозная принадлежность, однако верующие (казаки по сословной принадлежности) категорически отказались отказаться от своих убеждений и предпочли переселиться в беспокойные и необжитые места в бассейне р. Лаба. Здесь впоследствии возникли крупнейшие религиозные центры иудействующих: станицы Михайловская, Родниковская, Лабинская, Петропавловская (ГАКК. Ф.252. Оп.1. Д.1652. Л.73 об.).

Дальнейшее пополнение рядов кубанских иудействующих посредством миграции происходило из населенных пунктов, расположенных в черте еврейской оседлости (Симонова, 1996, стр. 196-197). Еще одним из источников миграции верующих являлись станицы и села Ставрополья. В частности, относительно немногочисленная община станицы Холмской Таманского отдела, бытовавшая там с основания населенного пункта (1863 г.) (ГАКК. Ф. 418. Оп. 1. Д. 170. Л. 19) (ГАКК. Ф. 449. Оп. 2. Д. 1851. Л. 39), происходила из станицы Александровской Ставропольской губернии. Общины близлежащих станиц (Ильская, Эриванская, Шапсугская и т.д.), также достаточно небольшие, состояли из казаков, происходивших из области Войска Донского (ГАКК. Ф. 449. Оп. 2. Д. 1851. Л. 39.).

Общины иудействующих, таким образом, появлялись в изучаемом регионе четырьмя основными путями: из местностей Юга Средней полосы России (Воронежская губерния); из Подонья (область Войска Донского), из соседних местностей Северного Кавказа (Ставропольская губерния) и с территории Черты еврейской оседлости. На первых порах носители вероучения субботников были переселяемы на Кубань административным порядком (при этом власти зачастую не владели информацией об их истинной конфессиональной принадлежности, считая переселяемых православными), впоследствии же по мере либерализации миграционной политики ряды кубанских иудействующих пополнялись за счет добровольного переселения.

Движение духоборов

Духоборчество, русское религиозное течение, основанное в середине XVIII в. крестьянами С. Колесниковым и И. Побирохиным, сформировалось в Воронежской губернии, стремительно распространившись среди местных государственных крестьян, и в дальнейшем найдя множество приверженцев в Харьковской и Екатеринославской губерниях.

Духоборы подвергались церковному порицанию и жестоким гонениям со стороны государства. В частности, к 1800-1816 гг. относится их административное выселение в Таврическую губернию (Мелитопольский уезд) где занимались первоначальным хозяйственным освоением земель. В конце 1830-х гг. репрессивный гнет усилился, и большинство инакомыслящих власти выселили в Закавказье, водворив на положении ссыльных.

Пути появления духоборчества на Кубани выявить, к сожалению, на текущий момент не удалось, между тем известно, что крупнейшим

центром этого течения была станица Кавказская, в которой духоборы проживали уже в 1844 г. (ГАКК. Ф.257. Оп.1. Д.2. Л.23) Можно предположить, что среди ее первопоселенцев, происходивших из области Войска Донского, вероятно, имелись и духоборы (Трехбратов, 1997, стр. 190), переселенные в тот момент на Кубань по распоряжению властей в числе других донских казаков.

Движение молокан

Молоканство, основателем которого явился крестьянин Тамбовской губернии С. Уклеин, в своей основе идеологически оформилось к концу 60-х гг. XVII в. Его приверженцами были сначала лишь государственные крестьяне, однако очень скоро учение Уклеина снискало популярность в среде городского мещанства и купечества.

История молоканства, как и любого другого направления русского религиозного диссидентства, полна примеров жесточайшего преследования, которому подвергались его приверженцы на протяжении нескольких веков. В частности, в течение первой половины XIX в. молокане, жившие во внутренних губерниях России, были поселены в ставропольских степях и Сибири. Так же как и духоборы, в 40-е гг. из губерний и областей Юга России молокане массово выселялись в Закавказье. На новых землях в среде диссидентов достаточно быстро произошли трансформации, связанные с процессом социального расслоения и выделением обеспеченной части молоканской общины. Изменения проявились и на уровне идеологии в обособлении так называемых «постоянных молокан» (самой многочисленной фракции), «донского толка» (или «евангелических христиан»), толков «общих молокан» и прыгунов.

Первые молокане, присутствие которых было отмечено в станицах Кабрдинской и Хадыженской (ГАКК. Ф.252. Оп.2. Д.1905. Л.164-165) (ГАКК. Ф.252. Оп.2. Д.1643. Л.128), известны на Кубани с 1865-1866 гг., однако пути их проникновения в эти населенные пункты установить не удалось. Вместе с тем, по информации источников, местные религиозные диссиденты были «свертаны» в молоканство (ГАКК. Ф.252. Оп.2. Д.1905. Л.164-165), что само по себе не исключает наличие религиозной пропаганды. Еще одна группа молокан во главе с Иваном Гавриловичем Мазаевым по разрешению властей переселилась на Кубань в 1867 г., обосновавшись близ станицы Калниболотской (село Горькобалковское, рядом с которым находился хутор Мазаева, относилось к Медвеженскому уезду Ставропольской губернии, хотя вся хозяйственно-экономическая и культурно-просветительская деятельность Мазаевых была по большей части связана с Кубанью) (Бойко, 2014, стр. 33).

Течения христововерческого направления

Христововеры (в разных источниках известные под наименованиями, «хлысты», «люди Божьи») являлись приверженцами учения, возникшего в среде крестьян Центрального Нечерноземья и Верхнего Поволжья во второй половине XVII в. Основателями христововерия считаются крестьянин Костромской губернии Данила Филиппович со своими последователями И. Суловым и П. Лупкиным. Уже в XIX в. христововерческое учение получило распространение по всей России.

В исследуемый период христововеры были одной из самых многочисленных общин религиозных диссидентов на Кубани, уступая по численности, пожалуй, только иудействующим. Наполненное элементами мистики учение на Юге России приобрело форму, которую придал доктрине первоначального христововерия крестьянин Тамбовской губернии «христос» П. Катасонов, получив впоследствии наименование Старого Израиля. Представители православной церкви называли эту доктрину «катасоновщиной», а ее последователи были широко известны как «шалопуты».

В источниках, относящихся к Кубани, христововеры впервые упоминаются в документах 60-х гг. XIX в., однако вполне возможно, что приверженцы Старого Израиля бытовали в регионе и ранее. Вместе с тем именно в 1860-е гг. появились общины, имевшие свою внутреннюю организацию и относительно устоявшийся порядок внутренней жизни.

Обоснованные опасения возможных преследований со стороны властей сделало христововеров весьма осторожными в исповедании своего вероучения, заставляя тайно проводить свои весьма специфические религиозные обряды, и вообще действовать в условиях строжайшей конспирации, поэтому в большинстве случаев установить пути и способы проникновения катасоновского учения на Кубани не удалось.

Между тем имеющиеся данные позволяют с уверенностью утверждать, что христововерие распространялось на Кубани из центров, расположенных в Ставропольской губернии, где эти религиозные диссиденты в свою очередь, прибывшие из Тамбовской губернии, проживали как минимум с 50-х гг. XIX в. (Алексей (Дородницын), 1904, стр. 707) Именно из ставропольских сел, расположенных рядом с административной границей (Медвеженского, Ладовской Балки и пр. (ГАСК. Ф.135. Оп. 18. Д.422. Л. 4-12)) происходили проповедники христововерия, которые распространяли свое вероучение в станицах Уманской (Отчет о

деятельности..., 1901, стр. 655) и Переясловской (ГАКК. Ф.764. Оп.1. Д.69. Л. 1.). Кроме того, христововерие проникало в регион и посредством казаков, проходивших службу в Закавказье, куда нередко ссылали религиозных диссидентов. Общась с ними, кубанцы воспринимали проповедуемую ими доктрину, и после возвращения на родину начинали вести проповедь катасоновщины. Подобный случай отмечен в станице Екатериновской (Отчет о деятельности..., 1901, стр. 471).

В процессе своего развития Старый Израиль на Кубани постепенно эволюционировал, к концу XIX в. выделив направления Нового Израйля (лубковщина), новоевангеликов (еременковщина), новохлыстов (козинщина), при этом последние два учения возникли и распространялись практически исключительно в пределах исследуемого региона. Новоизраильское учение довольно быстро приобретало своих приверженцев на Кубани при непосредственном участии основателя общины и энергичного проповедника В. С. Лубкова, который проживал в Ростове-на-Дону (ГАКК. Ф.449. Оп.2. Д.1831. Л.35.), и его ближайших последователей, которые нередко посещали Кубанскую область (ГАКК. Ф.449. Оп.2. Д.1831. Л. 36-36 об.).

Скопцы

Скопчество получило свое наименование из-за изуверского посвяtitельного обряда, в ходе которого неофит подвергался оскотплению как ритуальной операции, которую сами скопцы называли «убелением». Скопчество, главными проповедниками которого в конце XVIII – начале XIX вв. были крестьяне Н. Селиванов и А. Шилов, справедливо рассматривается исследователями русских толков и разномыслий как крайняя в смысле религиозного фанатизма своих последователей форма христововерия. Территориями, на которых скопчество получило основное распространение, стали Тамбовская, Курская, Орловская, Тульская, и Московская губернии.

С течением времени социальная опора скопчества изменялась - ко второй половине XIX в. скопцами становились не только крестьяне, но и горожане: мещане, купцы, ростовщики (Критика..., 1974, стр. 258). Власти всячески пытались бороться с распространением вредоносного учения, однако комплекс карательных мер испытывали на себе в основном рядовые скопцы. Зажиточные руководители общин, как правило, прибегали к подкупу должностных лиц и избегали обвинения в принадлежности к скопчеству.

Подобно христововерам, скопчески общины на Кубани действовали тайно, поэтому выявление путей проникновения этого учения в регион представляет еще огромную сложность. Вместе с тем документальные свидетельства, относящиеся к 80-м гг. XIX в. фиксируют связи кубанских скопцов с общиной своих единоверцев в г. Галац (Румыния) (ГАКК. Ф.454. Оп.4. Д.77. Л.18, 21.), где существовала крупная русская скопческая община, а также с обвинявшейся в приверженности к скопчеству некоей А. Опаленовой, пребывавшей в тот период в тюрьме г. Саратунь (Вятская губерния) (ГАКК. Ф.454. Оп.2. Д.5223. Л.11). Между скопцами Кубанской области и Румынии существовали устойчивые связи – именно туда перевозили оскотенных на Кавказе людей с целью избежать преследования властями. Таким образом, можно заключить, что скопчество распространялось именно из этих территорий посредством пребывавших на Кубань эмигрантов.

ПРОТЕСТАНТСКИЕ КОНФЕССИИ

Направление баптистов и евангельских христиан

Среди протестантских конфессий, преследовавшихся властями в описываемый период самыми многочисленными в регионе являлись баптисты и евангельские христиане.

Баптизм как религиозное направление протестантского толка оформился в начале XVII в. в Голландии и первоначально распространялся среди английских эмигрантов, спустя несколько десятилетий проникнув в Британию.

В конце XVIII в. английскими баптистами было образовано «Миссионерское общество», развернувшее свою деятельность по всей Британской империи. На протяжении первой половины XIX в. баптизм успешно распространяется в США и Западной Европе. В 1905 г. был проведен I Всемирный конгресс баптистов, в работе которого участвовали и делегаты из России.

К концу XVII в. в баптизме наметилось разделение на два направления: «общие баптисты» («General Baptists») и «частные баптисты» («Particular Baptists»), при этом идеология «частных баптистов» с течением времени приобрела большее влияние в Западной Европе.

Проникший в Россию в 60-х гг. XIX в. баптизм первоначально распространился из двух основных источников: Юга и Правобережья Украины, а также из областей и губерний Северного Кавказа и Закавказья. При этом на Украине преобладал «частный баптизм»,

социальную основу которого составляло крестьянство, на Северном Кавказе основными распространителями баптизма стали крупные землевладельцы, впоследствии ставшие общероссийскими лидерами движения: Д. и Г. Мазаевы (сыновья уже упоминавшегося выше молоканина И. Г. Мазаева) Н. И. Воронин, В. Г. Павлов и пр.

Учение «общих баптистов», идеологом которого стал В. А. Пашков, распространялось из Санкт-Петербурга и получило (в основном в устах церковных критиков) наименование «пашковщины».

Организационные основы движения «частных баптистов» в России были заложены в 80-х гг.: в 1884 г. прошел I съезд русских баптистов, главой Русской баптистской церкви стал Д. И. Мазаев.

Развивающийся в российских условиях баптизм к концу XIX в. выделил из себя ряд новых форм, таких, например, как доктрины Я. Коваля и К. Малеванного, сближавшие баптизм с русским духовным христианством, отвергавшие иерархию и формальную составляющую обрядности, имевшие довольно четко обозначенную социальную окраску.

В начале XX в. русские баптисты образовали две крупных организации, связанные с мировой баптистской церковью: «Союз русских баптистов» (Д. И. Мазаев), отличавшийся приверженностью к политическому консерватизму («частные баптисты»), и либерально ориентированный «Всероссийский союз евангельских христиан» (И. С. Проханов) («общие баптисты»).

Процесс прочного обоснования баптистских общин в населенных пунктах Кубани начался в первой половине 1880-х гг. Первые же свидетельства о появлении баптистского учения в области связаны с меннонитскими колониями Александерфельд, Вольдемфюрст и Александрдорф (Валькевич, 1900, стр. 131-132), в которых обосновались баптисты (очевидно, германоязычные), прибывшие в конце 1860-х гг. в Баталпашинский отдел из Таврической губернии (ГАКК. Ф. 454. Оп.1. Д. 5298. Л. 19-19 об.). В начале 1880-х гг. в Кубанской области появляются первые русские приверженцы баптизма, принявшие крещение от немцев (Валькевич, 1900, стр. 132).

Распространителями баптистского вероучения в регионе стали не только немецкие проповедники, но и бывшие приверженцы молоканства, еще в конце 1860-х гг. прибывшие сюда из Таврической губернии (см. выше). Богатые молоканские семейства, скупившие значительные земельные угодья в Кубанской области, основали свои хутора, на которых работали главным образом православные батраки из окрестных населенных пунктов. В их среде первоначально велась проповедь молоканства, однако появившиеся в «экономиях» баптисты

– выходцы из Могилевской губернии – своей деятельностью вызвали раскол среди здешних молокан, большинство которых, в том числе богатый землевладелец Дей Мазаев и его брат Гавриил, приняли новое вероучение (Меньший..., 1887, стр. 563). Уже в декабре 1886 г. братья Мазаевы стали организаторами баптистского съезда, проходившего в Кубанской области. Данный год, кроме того, был отмечен появлением в «экономиях» выходцев из Бессарабии (Валькевич, 1900, стр. 136), проповедовавших баптизм столь активно, что их деятельность вынудила консервативно настроенное православное население изгнать их, однако эти меры уже мало что могли изменить, и баптизм достаточно прочно обосновался в этой местности.

Баптистское вероучение также распространялось на Кубани с Херсонщины, – именно оттуда в хутор Штурбин (Майкопский отдел, аул Темиргоевский) в 1885 г. прибыл крестьянин Я. Буз, впоследствии проповедовавший баптизм в этой местности (ГАКК. Ф.449. Оп.3. Д.144.).

Баптистская община Анапы, по мнению местных властей, отраженному в источниках, возникла это примерно в 1888-1889 гг. (ГАКК. Ф.454. Оп.2. Д.779. Л.51 об.) благодаря деятельности проповедников из станицы Никольской (Терская область), где проживало «много штундистов (т.е. м баптистов. – А.К.) и пресвитеров, совершающих браки и крещения и имеющих молитвенный дом» (ГАКК. Ф.454. Оп.2. Д.779. Л.47 об.), и выходцев из преимущественно лютеранской колонии Михаэльсфельд (ныне – с. Джигинка), также являвшейся местом пребывания германоязычных баптистов (ГАКК. Ф.454. Оп.2. Д.779. Л.47 об.).

В конце XIX – начале XX вв. баптистское вероучение распространялось во многом усилиями талантливых проповедников (В.В. Иванова, М.Ф. Яценко, В.Г. Павлова и др.), которые действовали главным образом в закубанских станицах от лица Русского баптистского союза.

Адвентизм

Формирование адвентистского вероучения относится к 30-м гг. XIX в. и связывается с деятельностью американского фермера и лесоторговца У. Миллера, в 1833 г. выпустившего книгу «Свидетельства из Священного Писания и истории о втором пришествии Христа в 1843 году и Его личном царствовании в течение 1000 лет». Вскоре новая доктрина стала пользоваться популярностью у бывших квакеров, методистов и баптистов, а также последователей иных направлений протестантизма. Неудачные предсказания конца

света обусловили раскол адвентистской общины на направления адвентистов седьмого дня (празднующих субботу) и адвентистов первого дня (празднующих воскресенье), при этом впоследствии наибольшим влиянием в мировом масштабе стала пользоваться церковь адвентистов седьмого дня.

Проникновение адвентизма в Российскую империю происходило со второй половины 1880-х гг. посредством деятельности американских и немецких проповедников Луи Конради, Герхарда Перка, Конрада Лаубгана и др. Первоначальными регионами распространения адвентизма стали Прибалтика, местности Украины (Одесская, Киевская, Таврическая и Херсонская губернии), Юг России (Ставрополье, Донская и Кубанская области. Социальным субстратом нового вероучения послужили городские низы, ремесленники, мелкие лавочники и проч. В 1908 г. был образован Русский унион, и отечественные адвентитсы получили самостоятельность.

На Кубани адвентизм стал распространяться уже в конце 80 – начале 90-х гг. XIX в., в частности, в 1890 г. среди казаков станицы Каладжинской (Лабинский отдел) пытался вести адвентистскую пропаганду некий Конрад Шрайнер, житель немецкой колонии, находившейся на другом берегу р. Лабы (Максимов, 1887, стр. 1347).

В середине 1890-х гг. пропаганда адвентизма в регионе осуществлялась уже достаточно активно, что подтверждалось секретной перепиской главноначальствующего гражданской частью на Кавказе и ставропольского губернатора, ведшейся в 1896 г. (ГАКК. Ф. 454. Оп.2. Д.916. Л. 36 об.) В первые десятилетия XX в. адвентистское вероучение распространялось в основном русскоязычными проповедниками (ГАКК.Ф.583. Оп.1. Д.1043. Л.508-536.).

Положение изучаемого региона как фронтальной территории наложило свой отпечаток на распространение в нем течений религиозного диссидентства. Процесс этот происходил на фоне постоянных межэтнических и межконфессиональных контактов, закономерно умножавшихся миграционных потоков, усложнившейся системы социальных отношений. Все рассмотренные религиозные течения возникли и были доктринально оформлены задолго до их распространения на Кубани и в большинстве своем вне ее пределов, но особенности региона, представляющего собой пограничье между многими культурными пространствами, подготовили благоприятную почву для их распространения.

В целом же вероучения и доктрины русского религиозного диссидентства, распространявшиеся на Кубани в течение изучаемого

периода можно разделить на три группы в зависимости от времени, путей и способов их появления в рассматриваемом регионе.

Последователи религиозных учений первой группы (иудействующие и духоборы) проникали на Кубань в 1830-1860-е гг. из Средней полосы России и из соседних южных регионов только через административное переселение.

Приверженцы религиозных течений, входящих во вторую группу (молокане, христововеры-катасоновцы и скопцы), обосновываются в регионе в основном в пореформенный период и нередко посредством добровольной миграции. В дальнейшем эти доктрины получают распространение благодаря активной проповеднической деятельности своих адептов, источниками которой служили соседняя Ставропольская губерния и Закавказье.

Наконец, религиозные общины, входящие в третью группу, получали распространение в регионе преимущественно под влиянием религиозной агитацией, проводившейся наиболее активными приверженцами, нередко профессионально занимавшимися проповеднической работой (лубковцы, баптисты, адвентисты). Протестантские течения распространялись из немецких колоний, прозелиты приезжали на Кубань из Малороссии, Бессарабии и Ставрополя. Новоизраильская доктрина распространялась с территории области Войска Донского.

Список литературы

- Алексей (Дородницын), еп. (1904). Шелапутская община. *Русский вестник*, 10, 704-710.
- Астырев, Н. (1891). Субботники с России и в Сибири. *Северный вестник*, 6, 48-62.
- Баева, Л.В. (2014). Типология и проблемы изучения южно-российского фронта. *Вестник Волгоградского государственного университета*, Сер. 7, Философия, 2 (22), 32-39.
- Бойко, И. К. (2016). Сад искусств крестьян Мазаевых. *Новые исторические перспективы*, 3 (4), 31-42.
- Валькевич, В. А. (1900). Записка о пропаганде протестантских сект в России и, в особенности, на Кавказе: в 2 т. Тифлис, Т.1, 131-132.
- Г.М. [Михайловский Г.]. (1875). Секта жидовствующих в селениях Высоцком, Медведском, Просянке и Благодарном, Ставропольской губ. *Кавказские епархиальные ведомости*, 6, 190-203.

- Государственный архив Краснодарского края. (n.d.). Ф. 252. Оп. 1. Д. 1652.
- Государственный архив Краснодарского края. (n.d.). Ф. 252. Оп. 2. Д. 1643.
- Государственный архив Краснодарского края. (n.d.). Ф. 252. Оп. 2. Д. 1905.
- Государственный архив Краснодарского края. (n.d.). Ф. 257. Оп. 1. Д. 2.
- Государственный архив Краснодарского края. (n.d.). Ф. 418. Оп. 1. Д. 170.
- Государственный архив Краснодарского края. (n.d.). Ф. 449. Оп. 2. Д. 1831.
- Государственный архив Краснодарского края. (n.d.). Ф. 449. Оп. 2. Д. 1851.
- Государственный архив Краснодарского края. (n.d.). Ф. 449. Оп. 3. Д. 144.
- Государственный архив Краснодарского края. (n.d.). Ф. 454. Оп. 1. Д. 5298.
- Государственный архив Краснодарского края. (n.d.). Ф. 454. Оп. 2. Д. 5223.
- Государственный архив Краснодарского края. (n.d.). Ф. 454. Оп. 2. Д. 779.
- Государственный архив Краснодарского края. (n.d.). Ф. 454. Оп. 2. Д. 916.
- Государственный архив Краснодарского края. (n.d.). Ф. 454. Оп. 4. Д. 77.
- Государственный архив Краснодарского края. (n.d.). Ф. 583. Оп. 1. Д. 1043.
- Государственный архив Краснодарского края. (n.d.). Ф. 764. Оп. 1. Д. 69.
- Государственный архив Ставропольского края. (n.d.). Ф. 135. Оп. 18. Д. 422.
- Клибанов, А. И. (1965). *История религиозного сектантства в России (60-е гг. XIX в. – 1917 г.)*. Москва: Наука.
- Критика религиозного сектантства*. (1974). Москва: Мысль.
- Ляушева, С. А. (2002). Эволюция религиозных верований адыгов: *история и современность (философско-культурологический анализ)*. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, С. 85-86.
- Максимов, И. (1887). Кое-что об адвентизме. *Ставропольские епархиальные ведомости*, 15, 1120-1124.

- Мельников, П.И. (Андрей Печерский) (1974). *Собрание сочинений* (Т. 1-8). Москва: Правда.
- Меньший в братии моей. (1887). Несколько слов о баптистах в Кубанской области. *Ставропольские епархиальные ведомости*, 15, 560-564.
- Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793-1985)*. (1986). Краснодар: Кн. изд-во.
- Остапенко, Р. А. (2019). Элементы христианства в культуре адыгов по данным этнографических, лингвистических и археологических источников. *Наследие веков*, 1, 78–97. Retrieved from http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/03/2019_1_Ostapenko.pdf
- Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска за 1900 г.* (1901). Екатеринодар: Тип. Кубанского обл. правления.
- Отчет о деятельности епархиального противосектантского миссионера свящ. С. Никольского за 1897 г. (1901). *Ставропольские епархиальные ведомости*. 1901, 14, 645-664.
- Отчет о деятельности епархиального противосектантского миссионера свящ. С. Никольского за 1897 г. (1901). *Ставропольские епархиальные ведомости*, 9, 463-476.
- Российский государственный исторический архив. (n.d.). Ф.796. Оп.190. Отд.6. Ст.3. Д.146а. Л. 202.
- Симонова А. (1996). Геры и субботники Кубани в описании анонимного ростовского сиониста (осень 1917 г.). *Вестник Еврейского университета в Москве*, 1996, 1(17), 196-197.
- Трехбратов Б.А. (Ред.). *Энциклопедический словарь по истории Кубани*. (1997). Краснодар: Эдви.

References

- Alexey (Dorodnitsyn), bishop (1904). Shelaput community. *Russian Gazette*, 10, 704-710. (in Russian).
- Astyrev, N. (1891). Cleaning up days from Russia and Siberia. *Northern Herald*, 6, 48-62. (in Russian).
- Bayeva, L.V. (2014). Typology and problems of studying the South-Russian frontier. *Bulletin of Volgograd State University*, Ser. 7, Philosophy, 2 (22), 32-39. (in Russian).
- Boyko, I.K. (2016). Garden of Arts peasants Mazaev. *New historical perspectives*, 3 (4), 31-42. (in Russian).
- Valkevich, V.A. (1900). *Note on the propaganda of Protestant sects in Russia and, especially, in the Caucasus: in 2 tons*. Tiflis, V.1, 131-132. (in Russian).
- GM [Mikhailovsky G.]. (1875). A sect of Jewish in the villages of Vysotsky, Medvedsky, Prosyanka and Grateful, Stavropol Province. *Caucasian Diocesan Gazette*, 6, 190-203. (in Russian).
- State Archive of Krasnodar Region*. (n.d.). F. 252. Op. 1. D. 1652. (in Russian).
- State Archive of Krasnodar Region*. (n.d.). F. 252. Op. 2. D. 1643. (in Russian).
- State Archive of Krasnodar Region*. (n.d.). F. 252. Op. 2. D. 1905. (in Russian).
- State Archive of Krasnodar Region*. (n.d.). F. 257. Op. 1. D. 2. (in Russian).
- State Archive of Krasnodar Region*. (n.d.). F. 418. Op. 1. D. 170. (in Russian).
- State Archive of Krasnodar Region*. (n.d.). F. 449. Op. 2. D. 1831. (in Russian).
- State Archive of Krasnodar Region*. (n.d.). F. 449. Op. 2. D. 1851. (in Russian).
- State Archive of Krasnodar Region*. (n.d.). F. 449. Op. 3. D. 144. (in Russian).
- State Archive of Krasnodar Region*. (n.d.). F. 454. Op. 1. D. 5298. (in Russian).
- State Archive of Krasnodar Region*. (n.d.). F. 454. Op. 2. D. 5223. (in Russian).
- State Archive of Krasnodar Region*. (n.d.). F. 454. Op. 2. D. 779. (in Russian).
- State Archive of Krasnodar Region*. (n.d.). F. 454. Op. 2. D. 916. (in Russian).
- State Archive of Krasnodar Region*. (n.d.). F. 454. Op. 4. D. 77. (in Russian).

- State Archive of Krasnodar Region.* (n.d.). F. 583. Op. 1. D. 1043. (in Russian).
- State Archive of Krasnodar Region.* (n.d.). F. 764. Op. 1. D. 69. (in Russian).
- State Archive of the Stavropol Region* (n.d.). F. 135. Op. 18. D.422. (in Russian).
- Klibanov, A.I. (1965). *The history of religious sectarianism in Russia (the 60s of the XIX century - 1917)*. Moscow: Science. (in Russian).
- Criticism of religious sectarianism.* (1974). Moscow: Thought. (in Russian).
- Lyausheva, S.A. (2002). *The evolution of the religious beliefs of the Circassians: history and modernity (philosophical and culturological analysis)*. Rostov-on-Don: Publishing House SKNTS VS., Pp. 85-86. (in Russian).
- Maksimov, I. (1887). Something about Adventism. *Stavropol Diocesan Gazette*, 15, 1120-1124. (in Russian).
- Melnikov, PI (Andrey Pechersky) (1974). *Collected Works* (Vols. 1-8). Moscow: Pravda. (in Russian).
- Lesser in my brotherhood. (1887). A few words about Baptists in the Kuban region. *Stavropol Diocesan Gazette*, 15, 560-564. (in Russian).
- The main administrative and territorial changes in the Kuban (1793-1985). (1986). Krasnodar: Krasnodar publishing house. (in Russian).
- Ostapenko, R. A. (2019). Elements of Christianity in the culture of the Circassians according to ethnographic, linguistic and archaeological sources. *Heritage of Centuries*, 1, 78–97. Retrieved from http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/03/2019_1_Ostapenko.pdf (appeal date dd.mm.yyy) (in Russian).
- Report of the Chief of the Kuban Region and the ataman of the Kuban Cossack Army on the state of the region and the army for 1900* (1901). Ekaterinodar: Typography of Kuban region Office. (in Russian).
- Report on the activities of the diocesan antisectant missionary priest. S. Nikolsky in 1897 (1901). *Stavropol Diocesan Gazette*. 1901, 14, 645-664. (in Russian).
- Report on the activities of the diocesan antisectant missionary priest. S. Nikolsky in 1897 (1901). *Stavropol Diocesan Gazette*, 9, 463-476. (in Russian).
- Russian State Historical Archive.* (n.d.). F.796. Op.190. Sec.6. Article 3 D.146a. L. 202. (in Russian).

- Simonov A. (1996). Hera and subbotnik Kuban in the description of an anonymous Rostov Zionist (autumn 1917). *Herald of the Hebrew University in Moscow*, 1996, 1 (17), 196-197. (in Russian).
- Trekhbratov B.A. (Ed.) *Encyclopedic dictionary on the history of the Kuban*. (1997). Krasnodar: Edvi. (in Russian).